

неосуществимости. Можно предварительно полагать, таким образом, что в 1830-е годы эстетическая проблематика перевода «Из А. Шенье» снова становится значима для Пушкина в рамках размышлений о физиологической природе творческого аффекта. Актуализация истории мучительной гибели и апофеоза Геракла в этом контексте кажется вполне уместной: по справедливому замечанию Ф. Будельманна, в европейской философской и театральной мысли XVIII века этот сюжет предоставляет прекрасный повод к пересечению интересов эстетики и медицины.⁸²

⁸² Budelmann F. The Reception of Sophocles' Representation of Physical Pain. P. 455.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-74-84

© К. Ю. Зубков, © М. А. Петровских

**СТУДЕНТЫ, КУПЦЫ ИЛИ ПОЛЯКИ?
ИЗОБРАЖЕНИЕ МАЙСКИХ ПОЖАРОВ 1862 ГОДА И ПРОБЛЕМА
ДОСТОВЕРНОСТИ В РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО
«ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»***

Как утверждают современные исследователи, в 1860–1870-е годы издатель влиятельного «Русского вестника» М. Н. Катков стремился привлечь в свой журнал как можно больше заметных писателей и сформировать на его страницах национальный канон русского романа.¹ Если намерения Каткова действительно были таковы, то в случае романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море», опубликованного в «Русском вестнике» в 1863 году, результаты оказались спорными: критика, во-первых, категорически не приняла новое произведение Писемского, а во-вторых, сочла роман совершенно нетипичным для русской литературы. Обратившие на себя внимание современников особенности романа, на первый взгляд, противоречат друг другу. С одной стороны, Писемского упрекали в чрезмерной документальной точности: его повествование казалось непосредственным воспроизведением реальных исторических событий. П. В. Анненков отметил, что писатель «сделал прямо современную эпоху предметом своего рассказа <...> ход и развитие романа должны уже считаться равносильными с самим ходом и развитием нашей истории».² С другой стороны, критики сочли роман тенденциозным. А. А. Григорьев уже в первых главах увидел «взятую наперед тему» — «осмеять и опозорить все то, что <...> недавняя эпоха звала „развитием“».³ М. А. Антонович, принципиальный оппонент Григорьева в эстетическом и политическом отношениях, отозвался о «Взбаламученном море» практически так же: «...по тенденции и направлению его назвали враждебной клеветой на современное состояние нашего отечества, злобною насмешкою над всем, что есть в нем юного, либерального и прогрессивного».⁴

Как кажется, осуждавшие роман критики действительно нащупали значимую особенность произведения, далеко не случайную для русской литературы этого периода: тенденциозность и историческая достоверность несколько не противоречат друг другу. Современники сравнивали роман Писемского с другими не менее актуальными

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-012-00410).

¹ См.: Fusso S. Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel. DeKalb, 2017.

² Анненков П. В. «Взбаламученное море». Роман г. Писемского (Русский Вестник, 1863, № 3–8) // Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 9 нояб. № 250. С. 1017–1018.

³ Григорьев А. А. Взбаламученный романист // Якорь. 1863. № 20. Критика и журналистика. С. 389.

⁴ Антонович М. А. Современные романы // Современник. 1864. № 4. Отд. II. С. 203.

произведениями — «Отцами и детьми» (1862) И. С. Тургенева и «Что делать?» (1863) Н. Г. Чернышевского. Критик «Дня» проникательно писал, что все эти произведения (а также более поздний роман В. П. Ключникова «Марево», 1864) прямо ориентируются на журналистику той эпохи: «В наших журналах под рубрикою „изящная словесность“ напрасно ищешь повести или романа: это опять все та же публицистика, которая лишь рядится в форму повести или романа. Таково „Марево“, таково „Взбаламученное море“, таков особенно роман „Что делать?“, таковы еще и „Отцы и дети“, — к чести сказать, последний, однако ж, роман менее всех».⁵ Однако специфический эффект достоверности, видимо, Тургеневу чужд: его усматривали разве что оппоненты Тургенева, обвинявшие его в попытках создать карикатурное изображение Н. А. Добролюбова.

Произведение Чернышевского, вышедшее почти одновременно с романом Писемского, также явно отличается установкой на нарушение границ между вымыслом и достоверным повествованием. Сходство художественных принципов этих произведений проникательно отметил критик «Отечественных записок»: «Хотя и г. Писемский, и г. Чернышевский подходят к этому вопросу с разных сторон, тем не менее они здесь встречаются лицом к лицу, кажется, чтобы еще один лишний раз доказать ненужную аксиому, что крайности сходятся».⁶ Однако если историко-литературное значение книги Чернышевского, с которой соглашались или полемизировали многие современники, включая, например, Ф. М. Достоевского,⁷ для современных исследователей очевидно, то роль романа Писемского описана недостаточно.

В статье на материале одного из самых известных эпизодов романа показано, что автор «Взбаламученного моря», не искажая исторических реалий напрямую, последовательно подстраивал их изображение под актуальные «вопросы» журнальной литературы и прямо ориентировался на фельетоны и новости о столичной жизни, печатавшиеся в периодике его времени. Именно это сочетание достоверности и тенденциозности, по всей видимости, и определяет своеобразное место романа в истории русской литературы.

Проблемы вымысла и достоверности в литературе середины XIX века неоднократно становились предметом исследования ученых. В классической работе «О психологической прозе» Л. Я. Гинзбург писала: «Литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой; фактическая достоверность изображаемого, в частности происхождение из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной <...> Документальная же литература живет открытой соотносительностью и борьбой двух этих начал. <...> Фактические отклонения притом вовсе не отменяют ни установку на подлинность как структурный принцип произведения, ни вытекающие из него особые познавательные и эмоциональные возможности. Этот принцип делает документальную литературу *документальной*; *литературой* же как явлением искусства ее делает эстетическая организованность».⁸ Современные исследователи рассуждают схожим образом: так, Р. Уолш утверждает, что читатель, пытаясь интерпретировать авторскую позицию, «проецирует» мир фикциональный на реальный. Если в процессе возникают противоречия, то они, в зависимости от установки читателя и культурного контекста, могут восприниматься либо как нарушение конвенций построения произведения, либо как часть стратегии писателя, в соответствии с которой он репрезентирует действительность.⁹ Как представляется, именно такая трактовка проблем вымысла позволяет проанализировать роман Писемского, в котором документальное начало вовсе не исключает прямого выражения

⁵ Н. Б. [Михайлов Н. М.]. Текучая беллетристика // День. 1864. № 31. С. 17.

⁶ [Б. п.]. Литературная летопись // Отечественные записки. 1863. № 11–12. Современная хроника. С. 99.

⁷ Из последних исследований, где это отмечается, см., например: *Patyk L. E. Written in Blood: Revolutionary Terrorism and Russian Literary Culture, 1861–1881*. Wisconsin, 2017.

⁸ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. 2-е изд. Л., 1977. С. 9–10.

⁹ См.: Walsh R. *The Rhetoric of Fictionality: Narrative Theory and the Idea of Fiction*. Columbus, 2007.

авторской позиции, намного более тенденциозного, чем во многих «вымышленных» повествованиях этой эпохи. Романист способен одновременно и очень точно воссоздавать события недавней истории и давать им вполне определенную оценку.

В качестве примера мы обратимся к изображению в 20 главе 6 части романа пожаров, в которых нетрудно угадать знаменитые петербургские майские пожары 1862 года. Советские исследователи неоднократно обсуждали этот эпизод, однако все их выводы были преимущественно связаны с тем, насколько Писемский был готов «клеветать» на поляков и студентов, якобы поджегших город.¹⁰ Как мы увидим далее, в действительности интересующая нас глава романа вообще не содержит прямых обвинений ни в чей адрес. Начать ее анализ целесообразнее всего с творческой истории. Изучая, как в разных вариантах текста изображается одно и то же историческое событие, можно заметить те приемы, с помощью которых писатель представлял исторические факты (или то, что он считал историческими фактами). Более того, разные сцены, как мы покажем, соответствовали меняющейся между разными изданиями журнальной конъюнктуры.

При жизни Писемского роман публиковался трижды: в «Русском вестнике» Каткова; отдельным изданием, вышедшим в том же году в университетской типографии, контролируемой Катковым; а также в составе Собрания сочинений 1867 года. Если сравнить печатные варианты эпизода с черновой рукописью романа, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, оказывается, что сцена пожара неожиданно преобразуется.

В тексте «Взбаламученного моря» есть два фрагмента, в которых названы потенциальные виновники пожаров. Первый из них остается неизменным во всех прижизненных изданиях. В нем главный герой Бакланов, едуший на извозчике через горящий Петербург, видит человека, которого обвиняют в поджогах. Пытаясь оправдаться перед собирающейся линчевать его толпой, этот человек говорит, что его подучили поджигать поляки. Слова персонажа, впрочем, не вызывают доверия: в обвиняемом Бакланов узнает кучера Михайлу, который до этого появляется в романе и известен читателю как авантюрист. Действительно ли ответственные поляки, сказать на этом основании невозможно, зато понятно, что именно их можно обвинять в поджигательствах.

Однако во втором эпизоде, в котором извозчик и главный герой Александр Бакланов рассуждают о виновниках пожаров, между текстами изданий можно найти значимые разночтения.

В черновой рукописи романа, которую писатель закончил в начале 1863 года,¹¹ в диалоге между главным героем и извозчиком поджигателями названы купцы или поляки:

«— Неужели это поляки жгут? — спросил его Бакланов.

— Бог знает, ваше благородие, — отвечал тот.

— Купечество значит, товару не имело, а застраховали в казну и ждет, а после деньги все и берет.

— Болтали так, говорят, — подтвердил извозчик».¹²

Очевидно, персонажи, включая и образованного «барина» Бакланова, и извозчика, сами не знают, кого им обвинить в поджоге. Это, впрочем, не мешает толпе жестоко расправиться с подозреваемыми. Так, из слов некоего «молодого мещанина» выясняется, что «супружницу» человека, винившего поляков, «бросили в огонь»¹³ (эта подробность присутствует и в рукописи, и во всех изданиях романа). В рукописи к тому же появляется позже исключенная из романа жуткая сцена: поджигателя бросают в канал, после чего «кинутый» выплыл было и стал подплывать к берегам,

¹⁰ См.: *Пустовойт П. Г.* А. Ф. Писемский в истории русского романа. М., 1969. С. 168; *Рошаль А. А.* Писемский и революционная демократия. Баку, 1971. С. 87–88.

¹¹ В недатированном письме Б. Н. Алмазову (конец января 1863 года) утверждается, что роман он «даже дописал, хоть он совершенно еще пока грязен» (*Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 154).

¹² РНБ. Ф. 584. № 3. Л. 137.

¹³ См.: Там же. Л. 135.

но старик уже оттуда схватив багор отталкивал его и все бежал за ним и приговаривал: врешь! Врешь!»¹⁴

Однако в 1863 году, к моменту публикации романа, разговор с извозчиком был переработан.¹⁵ Писемский исключил эпизод, где Бакланов винит поляков, — теперь их вспоминает только подозреваемый в поджоге и не заслуживающий особого доверия кучер Михайло. Другая же версия передана извозчику, который говорит только о купцах, желающих получить деньги за застрахованные товары: «А болтают тоже и так, — продолжал разговорчивый извозчик, — что купечество; товару-то нет, а оно заручило его в казну, и теперь жжет, чтобы деньгами выбрать».¹⁶ Поляки в этой сцене больше не упоминаются.

Однако в 1867 году, с выходом третьего прижизненного издания романа в составе «Сочинений» Писемского, фрагмент вновь изменился. Теперь извозчик винил именно поляков, тогда как обвинение в адрес купцов из текста было исключено: «А болтают тоже, и поляк это жжет, — продолжал разговорчивый извозчик».¹⁷ Даже если извозчик передает ни на чем не основанные слухи, само упоминание им «польского следа» достаточно значимо: обыкновенный петербургский житель оказывается убежден в опасности поляков.

Во всех вариантах текста примечательны две особенности: с одной стороны, нигде на страницах «Взбаламученного моря» не было однозначно сказано, кто же виноват в пожарах. Писемский смог воздержаться от однозначных обвинений в адрес кого бы то ни было; более того, из романа прямо не следует, что поджог действительно был и пожары не были случайностью. С другой стороны, именно версия умышленного поджога для всех персонажей остается единственной, и на роль поджигателей выдвигаются — в зависимости от варианта текста романа — поляки и купцы. Причины, по которым Писемский вносил в текст романа изменения, становятся ясны, если обратиться к историческим обстоятельствам и журнальному контексту его произведения.

Конечно, пожары в Российской империи не были редкостью, однако майские пожары в Петербурге, отличавшиеся масштабом и внезапностью, произошедшие в самом сердце государства (пострадали, например, правительственные здания), буквально на глазах у множества журналистов и писателей, сразу стали одной из главных тем в русской печати. Большинство высказывавшихся на эту тему литераторов обсуждали в первую очередь вопрос о причинах катастрофических событий в столице. Аргументированный ответ на этот вопрос не был известен и остается неизвестен до сих пор, что, впрочем, не мешало современникам и позднейшим исследователям выдвинуть множество версий, сводившихся к теории о поджоге. Эта версия в целом продолжает оставаться популярной, невзирая на бесплодность деятельности правительственной комиссии, пытавшейся установить ответственных лиц, и более поздних историков, искавших свидетельства, что поджог организовало само правительство.¹⁸ В отсутствие конкретных фактов исследователи постепенно перешли от выяснения реальных причин пожаров к их общественному значению, демонстрируя, как в обсуждении пожаров и тщетном поиске виновных на страницах русской прессы, дневников и писем современников выразились многочисленные линии разлома, по которым раскололось русское пореформенное общество.¹⁹ Именно пожары, воспринимавшиеся как

¹⁴ Там же.

¹⁵ Текст соответствующего эпизода не меняется в обоих изданиях 1863 года, если не говорить о пунктуации и служебных словах.

¹⁶ Писемский А. Ф. *Взбаламученное море*: Роман в 6 ч.: В 3 т. М., 1863. Т. 3. С. 272; ср.: Русский вестник. 1863. № 8. С. 634.

¹⁷ Писемский А. Ф. Соч.: В 4 т. СПб., 1867. Т. 4. С. 253.

¹⁸ См.: Рейсер С. А. Петербургские пожары 1862 года // Каторга и ссылка. 1932. № 10. С. 79–109; Козьмин Б. П. Причина пожаров // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 240–242.

¹⁹ См.: Розенблюм Н. Г. Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский (Запрещенные цензурой статьи журнала «Время») // Лит. наследство. 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 16–54; Блума А. Я. Пожар и молва (К описанию «текста петербургских пожаров») // Philologia. Рижский филологический сборник. Рига, 2002. Вып. IV. С. 130–145; Родигина Н. Н., Худяков В. Н. Петербургские пожары 1862 г. — символ конфликта поколений //

одновременно совершенно действительное и совершенно фантастическое, реальное и мифологизированное событие,²⁰ оказались подходящим предметом для романа, в котором переопределялись границы вымысла и правдоподобия.

Практически все точки зрения, отразившиеся у Писемского, встречались и в высказываниях современников, причем, как и в романе, часто подавались в качестве слухов, а не достоверных фактов. На роль поджигателей подходили представители самых разных социальных групп, которые воспринимались как «чужие» и потенциально враждебные. Среди возможных преступников пресса называла «нигилистически» настроенных студентов — большую роль здесь сыграла обращенная к ним революционная прокламация «К молодой России», появившаяся незадолго до пожаров, которые осмыслились как прямое выполнение содержащихся в ней рекомендаций. Незадолго до этого на несколько месяцев закрывавшийся по политическим причинам Петербургский императорский университет воспринимался как рассадник революционных идей. Впрочем, прямо обвинять студентов большинство русских журналистов не пыталось — скорее обсуждалось, как много желающих объявить их ответственными за поджог. Наиболее известно выступление Н. С. Лескова на страницах «Северной пчелы», которое часто прочитывалось как донос на студенчество, но в действительности представляло собою характеристику точки зрения «народа»: «На народ можно рассчитывать смело, и потому смело же должно сказать: основательны ли сколько-нибудь слухи, носящиеся в столице о пожарах и о поджигателях? Щадить адских злодеев не должно; но и не следует рисковать ни одним волоском ни одной головы, живущей в столице и подвергающейся небезопасным нареканиям со стороны перепуганного народа».²¹ Близок к Лескову был И. С. Беллюстин, писавший: «На кого указывает народ как на главную причину своего бедствия? Горько и тяжело, а нельзя скрыть — на учащуюся молодежь».²² Без всякого одобрения констатировал популярность «студенческой» версии анонимный обозреватель «Отечественных записок»: «...слово „студент“ не сходило с языка извозчиков, лавочников, разносчиков».²³

Поляков, впрочем, также часто называли в числе виновников пожаров, особенно после начала Польского восстания. На их причастность намекает В. П. Боткин в письме Тургеневу от 6 июня 1863 года: «Средства, употребляемые поляками к произведению смут в России, <...> поджоги и проч. остервеняют здесь всякого».²⁴ В. А. Долгоруков, докладывавший Александру II о настроениях в стране, заметил об «общем негодовании», которое после пожаров поднялось против «беспокойных студентов, поляков и вообще против мятежных голов».²⁵ Некоторые, впрочем, избегали указывать на конкретные группы виновных. Так, в «Северной почте», официальной газете Министерства внутренних дел, появилась заметка об аресте двух рабочих, которые рассказывали о пользе пожаров в артели.²⁶

Другими потенциальными виновниками считались купцы, застраховавшие свой товар и якобы сжегшие его, чтобы получить полагавшуюся им компенсацию. Об этом говорится, например, в докладе руководившего расследованием петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова, представленном царю 11 сентября 1862 года: «Опре-

Локальные сообщества в имперской России в условиях социальных конфликтов: подходы и практики в современных региональных исследованиях. Омск, 2009. С. 33–62.

²⁰ См.: Блума А. Я. Пожар и молва. С. 133–135.

²¹ Лесков Н. С. <Настоящие бедствия столицы> // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1998. Т. 2. С. 248. О шумном обсуждении этой статьи в русской прессе см., например: Шелаева А. А. Н. С. Лесков — историк Петербурга: Статьи о пожарах 1862 г. // Петербургские исследования: Сб. науч. статей. СПб., 2006. С. 314–324.

²² Беллюстин И. С. Из Петербурга // Современная летопись. 1862. 6 июня. № 23. С. 6.

²³ Отечественные записки. 1862. № 6. Современная хроника России. С. 43.

²⁴ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. М.; Л., 1930. С. 176. Ср.: Там же. С. 212.

²⁵ «Россия под надзором»: Отчеты III отделения. 1827–1869: Сб. документов. М., 2006. С. 593.

²⁶ Северная почта. 1862. 3 июня. № 119. С. 473.

делить безошибочно побуждения и цели, руководившие поджигателями в их преступных действиях, по мнению следственной комиссии, весьма затруднительно, тем не менее с некоторою достоверностью можно полагать, что в числе поджогов были и такие, которые произведены исключительно с целью расхитить имущество во время пожара, или воспользоваться страховою премией, превышающею стоимость застрахованных вещей».²⁷

Естественно, в прошедшем цензуру романе немисливо было высказать точку зрения А. И. Герцена, возлагавшего ответственность за поджоги на само правительство: «...все это был полицейский обман, который должен был испугать императора сверху и слабых внизу. Зажигателей вне полиции не нашли — а в полиции *не искали*... Не попробовать ли??»²⁸ В то же время Писемский воздержался от прямых упреков в адрес самого Герцена, которые часто звучали из проправительственных кругов.²⁹ Контекст романа, казалось бы, располагал к обвинению в адрес лондонской эмиграции: ввоз герценовских прокламаций в Россию описан буквально в предыдущей главе романа. Однако к этому ходу писатель решил не прибегать.

Еще более последовательно Писемский отказывался обвинять в поджогах студентов. Об этом свидетельствует появляющаяся во всех изданиях «Взбаламученного моря» сцена. Извозчик, видимо, представляющий простых петербургских обывателей, сообщает Бакланову, что «народ» хотел расправиться со студентом:

«— Да кто их знает, батюшка!!.. Эта вот тоже я ехал... так молодой баринок... как вот их?... на Васильевском острове еще ученье-то им идет...

— Да, знаю! — подхватил Бакланов.

— Так как тоже от народу-то бежал, схватить было его хотели».³⁰

Этот рассказ сопровождается печальным комментарием рассказчика: «Бакланов невольно при этом припомнил, как он всегда спорил с молодыми людьми и уверял их, что они народа не знают. Они думали, что народ с ними, а он заподозрил их в первом скверном преступлении».³¹ Подозрения «народа», судя по всему, в целом беспочвенны и вызывают и у героя, и у повествователя скорее сожаление к «молодым людям». За этими словами стояла принципиальная позиция Писемского, который даже в разгар дела, приведшего к временному закрытию Петербургского университета, собирал в своей квартире русских писателей и ученых (в их числе были, например, И. И. Панаев и Н. И. Костомаров) и обсуждал с ними меры помощи студентам, включая укрывательство преследуемых полицией.³²

Если позиция Писемского по студенческому вопросу, видимо, оставалась прежней на протяжении 1860-х годов, то другие кандидаты на роль поджигателей в его романе «назначаются» с каждым новым изданием — и это прямо связано с эволюцией политических воззрений писателя и журнальной конъюнктуры.

В той же главе, что и сцена пожара, описана восторженная встреча народа с императором. Эта сцена не была плодом воображения писателя — она подробно изображена, например, в «Северной почте»: «На другой день, т. е. 6 июня, с 10 ½ часов утра, толпа устроившихся на Семеновском плацу торговцев собралась у воксала царско-сельской дороги, чтобы встретить государя с хлебом-солью. Государь, прибыв с императрицею, изволил выйти к ним. Выбранный нашим обществом старейший торговец выступил вперед и, став на колени, поднес хлеб-соль. <...> Бедствия, испытанные

²⁷ Цит. по: Розенблюм Н. Г. Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский. С. 29. Трудно сказать, мог ли Писемский знать об этом докладе во время работы над рукописью.

²⁸ Герцен А. И. <Четвертый запрос от издателей «Колокола»> // Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 262.

²⁹ Розенблюм Н. Г. Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский. С. 42.

³⁰ Писемский А. Ф. Взбаламученное море. Т. 3. С. 272; Русский вестник. 1863. № 8. С. 634.

³¹ Там же.

³² Об этом известно, что показательно, из донесения агента III отделения (см.: Рошаль А. А. Писемский и революционная демократия. С. 57). Точку зрения Писемского, впрочем, разделяло большинство писателей (см.: Родигина Н. Н., Худяков В. Н. Петербургские пожары 1862 г. — символ конфликта поколений. С. 33–62).

Петербургом, поистине увеличили преданность жителей его к царю и царскому семейству».³³

В романе использовались схожие выражения: «На Садовой, пред банком, толпа снова остановила их. Раздавались какие-то крики, и вдали мелькал белый султан.

Бакланов сам невольно приостановился. Это шел государь.

— Батюшка наш... батюшка!.. — стонали и охали женщины.

— Ваше Императорское Величество, — повторяли мужики.

У чиновников некоторых головы дрожали.

Бакланов почувствовал, что и у него невольно навернулись слезы».³⁴

Однако ближайшим источником этой сцены можно, по всей видимости, считать заметку о пожарах, напечатанную на страницах «Библиотеки для чтения» — журнала, который Писемский редактировал в начале 1860-х годов.³⁵ В заметке особо подчеркивалось, что даже потрясенный пожарами народ выражал верность императору, демонстрируя в то же время память о недавней реформе: «Посреди всеобщей смуты, порожденной пожарами, народ высказал свою полную преданность императору, даровавшему уничтожение крепостного состояния. Мы уверены, что правительство <...> не уклонится с пути задуманных им чрезвычайно важных реформ».³⁶ В статье явление императора народу восстанавливает нарушенный пожарами общественный порядок. Однако состояние умов в столице до этой сцены описано в едва ли не отчаянном тоне, очень близком к тем характеристикам, что даются на страницах «Взбаламученного моря». Обвинения в адрес студентов в заметке «Библиотеки для чтения» определены как «нелепый слух»,³⁷ который «мог выйти только из тьмы кромешной».³⁸ Самосуд над подозреваемыми в поджогах и разнообразные подозрения изображены в журнале как симптомы хаоса, охватившего столицу: «...в обществе пошли самые оживленные, но часто очень странные толки <...> народная подозрительность несколько раз выразилась жестокими побоями, кровавыми сценами».³⁹ В итоге обозреватель принципиально отказывается винить кого бы то ни было в появлении пожаров и призывает ждать результатов следствия.

Не вполне понятно, насколько Писемский, в момент выхода статьи находившийся в Лондоне,⁴⁰ мог прямо влиять на ее содержание, однако общая позиция писателя очень близка к точке зрения редактируемого им журнала. В черновой редакции романа «студенческая», «польская» и «купеческая» версии поджога показаны как недостоверные и опровергающие друг друга. Сами обилие и разнонаправленность точек зрения свидетельствуют здесь о неспособности столичных жителей выработать хотя бы какую-то позицию: восстановление власти в итоге возлагается на правительство, в первую очередь на императора.

В журнальной редакции и отдельном издании 1863 года Писемский убрал из ключевого разговора с извозчиком намеки на «польскую» версию пожаров. Такой ход со стороны писателя выглядит достаточно неожиданно: во-первых, именно после Польского восстания идея, что в русских бедах виноваты поляки, стала особенно популярной, а во-вторых, Катков, печатавший роман Писемского, был, как известно, очень далек от полонофилии. Не исключено, что писатель хотел подчеркнуть различие между временем действия романа — хотя и недавним, но прошлым — и современным по-

³³ Северная почта. 1862. 13 июня. № 127. С. 505.

³⁴ Писемский А. Ф. Взбаламученное море. Т. 3. С. 271; Русский вестник. 1863. № 8. С. 633–634.

³⁵ О публикациях на эту тему в «Библиотеке для чтения» см. также: Рошаль А. А. Писемский и революционная демократия. С. 53; о Писемском как издателе см.: Валуев С. М. Писемский-журналист (1850–1860-е годы). СПб., 2003.

³⁶ Библиотека для чтения. 1862. № 6. Внутреннее обозрение. С. 206.

³⁷ Там же. С. 201.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 205.

⁴⁰ См.: Козьмин Б. П. Писемский и Герцен (К истории их взаимоотношений) // Козьмин Б. П. Литература и история. М., 1982. С. 74–122.

ложением вещей в стране. Однако более значима, как кажется, другая причина, связанная именно с позицией редакции «Русского вестника». В середине 1863 года, когда печаталась последняя часть «Взбаламученного моря», Катков и сам был далек от обвинений в адрес поляков и не мог сочувствовать изображению представителя «простого народа», возлагающего на них ответственность за пожары. С его точки зрения, причиной Польского восстания послужила политическая интрига враждебной по отношению к русскому государству «партии». Именно по этой причине Катков вступил в очень резкую и принципиальную полемику с журналом «Время», на страницах которого Н. Н. Страхов опубликовал свою знаменитую статью «Роковой вопрос», вызвавшую закрытие журнала братьев Достоевских.⁴¹ По мнению Страхова, столкновение России и Польши было знаком принципиального противостояния наций, сформированных вековой историей, религиозными убеждениями и проч.: «Мы имели в виду только внутреннее настроение двух племен, старались, как возможно глубже, проследить за источниками внутренней боли, которая отзывается в них при взаимной борьбе».⁴²

Издатель «Русского вестника» категорически отрицал конфликт России и Польши на уровне наций или цивилизаций, описанный Страховым в «Роковом вопросе». Катков утверждал, что конфликт ведется на уровне государственном: «Борьба идет не между двумя племенами или двумя народностями за язык, за обычай, за веру; борьба имеет своим предметом существование русского государства».⁴³ Простой извозчик или тем более «народ», обвиняющий поляков безо всяких на то доказательств, выглядел бы аргументом в пользу идей Страхова о принципиальном противостоянии, действующем едва ли не на уровне инстинкта.

Трудно сказать, изменил ли Катков текст романа, или Писемский сам осуществил правку, стремясь соответствовать воззрениям редактора журнала. Именно в этот период Писемский был особо близок к Каткову. 4 (16) июня 1863 года он писал И. С. Тургеневу: «...роман мой „Взбаламученное море“ начал печататься в „Русском вестнике“, а во-вторых, я принял в „Вестнике“ заведование литературным отделом <...> Из литературных дел вы, конечно, многое знаете. Катков действует героем, и одно можно сказать, воодушевляет страну в теперешнее тяжелое для нее время».⁴⁴ Так или иначе, из возможных поджигателей, упомянутых в черновой редакции, остались лишь купцы и студенты. Извозчик в этой редакции говорит по преимуществу о социальном конфликте между сословиями: «простые люди» готовы винить в своих бедах купцов. Очевидно, Катков, поддерживавший ранние реформы Александра II, в особенности отмену крепостного права, не был против изображения общественного кризиса, если это изображение подразумевало всеобщую покорность царю, который своими реформами и разрешил, с точки зрения проправительственного редактора, этот кризис.⁴⁵

Однако к концу 1860-х годов и политические взгляды Писемского, и его место в журнальной полемике изменились. Автор «Взбаламученного моря» разочаровался в Каткове, покинул «Русский вестник» и теперь ориентировался скорее на «почвенников» — Страхова и его единомышленников, отстаивавших концепцию цивилизационной и религиозной несовместимости русских и испытавших влияние Запада поляков. Так, в письме Страхову от 27 февраля 1869 года Писемский, печатавший в почвенническом журнале «Заря» роман «Люди сороковых годов», прямо писал о своем сочувствии к статьям Н. Я. Данилевского, которые составили книгу «Россия и Европа», построенную именно на теории о существовании различных конфликтующих

⁴¹ См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861–1864). М., 1972. С. 70–71; Перикина А. Н. Журнал братьев Достоевских «Время»: история, поэтика, проблемы атрибуции. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 9.

⁴² Страхов Н. Н. Роковой вопрос // Время. 1863. № 4. Современное обозрение. С. 161.

⁴³ Катков М. Н. Что нам делать с Польшей? // Катков М. Н. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 2011. Т. 3. Власть и террор. С. 53.

⁴⁴ Письма А. Ф. Писемского (1855–1879) И. С. Тургеневу // Лит. наследство. 1964. Т. 73. Кн. 2. С. 177.

⁴⁵ О воззрениях Каткова на роль сословий см.: Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 41–42, 128–133.

цивилизаций: «...я в романе моем теперь дошел до того, чтобы группировать и поименовывать перед читателем те положительные и хорошие стороны Русского Человека, которые я в массе фактов разбросал по всему роману, о том же или почти о том же самом приходится говорить и Данилевскому...».⁴⁶ Здесь Писемский прямо противоречит Каткову, который негативно относился к почвенникам. Это и отразилось на изменениях, которые романист внес в текст «Взбаламученного моря» для очередного издания: теперь словоохотливый извозчик винит во всех бедах именно поляков. Слухи о поджогах от этого абсолютно достоверными не становятся, однако явно подчеркивается конфликт между русским и польским народом, проявлением которого оказывается подозрительность извозчика. Впрочем, почвенники, как и автор «Взбаламученного моря», констатировали конфликт, но не одобряли его: и Страхов в «Роковом вопросе», и Данилевский в «России и Европе» скорее предлагали возвращение Польши в лоно славянства и культурное примирение: «...более тесная внутренняя связь была бы, конечно, предоставлена единственно той родственной, национальной симпатии, которая не могла бы не привлекать друг к другу членов славянской семьи, после того как разделяющие их внешние преграды были бы сломаны и они взялись бы за общее историческое дело».⁴⁷

Писемский, в своем позднем творчестве склонный резко винить «мещан», капиталистов во всех бедах и проблемах современной России,⁴⁸ снял из романа слух о купцах-поджигателях. Вероятно, как и в случае с поляками в 1863 году, писатель не хотел, чтобы сплетня извозчика показалась читателю единственно верным или хотя бы очень правдоподобным объяснением событий. «Взбаламученное море» для своего создателя оставалось прежде всего, согласно определению из эпилога к роману, «историей лжи», а не окончательным выражением правды.⁴⁹

Писемский не написал о петербургских пожарах ничего вымышленного: дикие слухи и самосуд над предполагаемыми «поджигателями» действительно относятся к числу исторических фактов. Однако, отбирая эти факты для своего повествования, писатель за счет самого этого отбора и отдельных деталей прямо выражал свои политические воззрения. Никакого противоречия между тенденциозностью и достоверностью в романе, таким образом, не было. Даже ложные слухи могли оказаться значимы для писателя, создавшего, среди прочего, цикл очерков о русских лжецах. Их описания служат характеристике российского общества, по-разному реагирующего на катастрофу. В черновой редакции жители столицы терялись в море противоречащих друг другу обвинений, неспособные осмыслить происходящее. В изданиях Каткова общество империи было показано как расколотое, но не по национальному, а по сословному и отчасти государственному принципу. Наконец, в «почвеннические» годы Писемского оказалось, что русские люди руководствуются общим, пусть и необязательно верным, национальным чувством, внушающим им неприязнь и враждебность к полякам. Манипуляции Писемского, стремившегося привести изображение пожаров в своем романе в соответствие с позицией то «Библиотеки для чтения», то «Русского вестника», то почвеннических изданий,⁵⁰ могут представ-

⁴⁶ Писемский А. Ф. Письма. С. 234. Об ориентации Писемского на Данилевского см.: Пустовойт П. Г. А. Ф. Писемский в истории русского романа. С. 172–177.

⁴⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 2015. С. 459. О негативном отношении Каткова к теории Данилевского см.: Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. С. 94–95.

⁴⁸ См., например: Рошаль А. А., Грузинская Н. Н. Стиль в процессе его рождения (Из наблюдений над творческой историей романа А. Ф. Писемского «Мещане») // Учен. зап. Томского гос. ун-та. Томск, 1967. № 67. Идеальность и мастерство писателя. С. 186–198.

⁴⁹ Писемский А. Ф. Полн. собр. соч.: В 24 т. СПб., 1895. Т. 10. С. 288. Соответствующее место есть и во всех прижизненных изданиях.

⁵⁰ Именно в 1867 году у Страхова и его единомышленников не было своего печатного органа. Однако с появлением журнала «Заря» Писемский, как видно из его процитированного письма, прямо предлагал в своих романах ориентироваться на позицию этого издания.

ляться совершенно циничными и беспринципными. Тем не менее за этими манипуляциями, в том числе за прямой ориентацией на журнальный контекст, как кажется, скрывалась вполне последовательная позиция — как политическая, так и эстетическая.

О взглядах Писемского на историческую роль пожаров яснее всего говорит огромная роль слухов в его повествовании, на которые писатель прежде всего обращал внимание при переработках романа. Охваченный пожарами Петербург во «Взбаламученном море» предстает прежде всего хаотическим пространством, сведения о котором герой и читатель получают не напрямую, а из множества недостоверных и противоречащих друг другу источников. Окружавшие пожар слухи вообще казались многим современникам своего рода симптомом хаоса, который охватил Россию в пореформенное время. Журналист-современник писал: «...нравственное потрясение усиливается различного рода толками и слухами, по всей вероятности, неосновательными или преувеличенными, но тем не менее тревожными и действительно тревожащими население столицы; страх и негодование овладели всеми; никто не может быть уверен за свое имущество, за самое существование, за завтрашний, за сегодняшний день...»⁵¹

Эпоха реформ современниками воспринималась как время «гласности», бурной общественной и литературной деятельности, — и распространение слухов после пожаров в романе Писемского выглядит как оборотная, темная сторона этого периода. Во «Взбаламученном море» разрушительные последствия «гласности» показаны очень последовательно — достаточно вспомнить сатирическую главу «Провинциальная гласность», где изображено, как и почему корыстные и склонные к преступлениям люди идут в журналистику.⁵² Очевидно, сплетни оказываются своего рода «низовым» аналогом этой гласности и могут, как показал Писемский, приводить к совершенно реальным убийствам.

«Взбаламученное море» создавалось в необычную эпоху в истории русской литературы. К 1840–1850-м годам, благодаря прозе И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и некоторых их современников, полностью вымышленные повествования о прошлом стали играть в русской прозе ключевую роль. По наблюдениям исследователей, именно в этот период в литературе, согласно господствующим конвенциям, стало допустимо изображать внутренний мир героев, знакомство с которым нарратора не было мотивировано, например, чтением дневника или ориентацией на автобиографическое повествование.⁵³ Тем самым заведомо вымышленный персонаж, созданный авторским воображением, стал главным действующим лицом русской прозы. В то же время литература 1860-х годов, с ее установкой на прямое участие в общественной жизни, требовала непосредственного отражения «действительности».⁵⁴ Во многом это определялось бурным развитием русской прессы, которая благодаря смягчению цензурных условий и все большему значению «общественного мнения» пыталась в этот период прямо обращаться к актуальным политическим вопросам.

В своем романе Писемский, один из первых среди русских прозаиков, предложил возможность совместить эти установки. С одной стороны, непосредственный результат большинству наблюдателей — и, видимо, самому Писемскому, чья репутация так никогда и не оправилась после публикации романа, — казался провалом: «Взбаламученное море» не понравилось практически никому, кроме разве что заплатившего писателю внушительный гонорар Каткова. С другой стороны, Писемский оказался в числе первых русских романистов, которым удалось интегрировать большое вымышленное повествование и изображение событий, непосредственно воспринимавшихся как «реальные». Достоверное воспроизведение заведомо недостоверных

⁵¹ Серно-Соловьевич Н. А. Еще по поводу пожаров // Биржевые ведомости. 1862. 31 мая. № 111. С. 489. Этот фрагмент был с сочувствием процитирован в журнале: Отечественные записки. 1862. № 6. Современная хроника России. С. 53.

⁵² Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 41–44.

⁵³ См.: Somoff V. The Imperative of Reliability: Russian Prose on the Eve of the Novel, 1820s–1850s. Evanston, 2015. P. 111–158.

⁵⁴ См., например: Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. С. 245–246.

слухов было в некотором смысле идеальным выражением такой повествовательной стратегии.

Значимость сцены пожара во «Взбаламученном море» особенно заметна в историческом контексте: роман Писемского послужил истоком своеобразной традиции изображения пожаров. Например, в романе Крестовского «Кровавый пух» (1869), опубликованном в том же «Русском вестнике», поджигателями называются то купцы, то «хищные люди», то поляки, то пойманный молодой человек, которого тут же отпускают за отсутствием доказательств — и уже через несколько секунд безосновательно называют вором на соседней улице. Обвинения звучат из уст персонажей, которые не могут знать истинных виновников пожаров, что создает ту же атмосферу хаоса, как и во «Взбаламученном море»: «Кто поджигает! — Тьма предположений, но ни одного положительного, верного ответа. Одно только чувство немедленной и беспощадно-страшной мести невидимым, тайным врагам с каждой минутой все более и более разгорается в массах народа».⁵⁵ В противовес хаосу в «Кровавом пухе» есть фрагмент с описанием появления в городе императора — подобный тому, о котором говорилось ранее во «Взбаламученном море»: «Над этими массами развевались султаны нескольких всадников. Впереди был один. <...> Это ему кричали „ура“ эти сотни тысяч грудей, поднятых одним восторженным порывом, одним стремлением. <...> Русский народ встречал Русского Царя. <...> это высшее единение <...> органически, естественно рождалось из двух близких слов, из двух родных понятий: народ и царь».⁵⁶ В дальнейшем пожарам в русской литературе будет уготован долгий путь, на котором возникнут, например, «Бесы» (1871) Ф. М. Достоевского или «На ножах» Н. С. Лескова (1871).

В этом смысле «Взбаламученное море» окажется в ряду первых романов, построенных на схожих принципах, — ряду, вершиной которого станет проза Ф. М. Достоевского. Апокалиптический пожар, изображенный в «Бесах», исследователи романа описывают как до некоторой степени отражающий впечатления писателя, полученные в мае 1862 года,⁵⁷ — во время пожаров, первую картину которых в русском романе дал именно Писемский. Связь между «Взбаламученным морем» и романами Достоевского 1860–1870-х годов, как кажется, была глубже. Писемский не просто изобразил пожары, — он одним из первых русских писателей создал своеобразную гибридную форму повествования, где роман, сохраняя характер внутреннего связного вымышленного повествования, был прямо ориентирован на непосредственно отражающее исторические события журнальное политическое обозрение и фельетон — обратим внимание на постоянные параллели с журнальными текстами, встречающиеся в романе.⁵⁸ Разумеется, речь идет не о том, что Писемский открыл жанровую форму романа Достоевского, — скорее, параллельное развитие русского романа и периодики в 1860-е годы с неизбежностью вызывало своеобразные гибридные формы повествования, и «Взбаламученное море» представляло собою хотя едва ли самый удачный, но один из первых образцов таких форм.

⁵⁵ Крестовский В. В. Кровавый пух // Крестовский В. В. Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1904. Т. 3. С. 276.

⁵⁶ Там же. С. 279; см. об этой сцене: Склеинис Г. А. Жанровое своеобразие дилогии В. В. Крестовского «Кровавый пух». Магадан, 2004. С. 63–66.

⁵⁷ См., например, комментарий к академическому изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1975. Т. 12. С. 315–316.

⁵⁸ См. об ориентации Достоевского-романиста на журнальный контекст: Тодд У. М. III «Братья Карамазовы» и поэтика сериализации // Русская литература. 1992. № 4. С. 32–38.